

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЯПОНЦЕВ ГЛАЗАМИ И. А. ГОНЧАРОВА

В. А. Казанцева

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 2 декабря 2016 г.

Аннотация: в статье на основе наблюдений И. А. Гончарова, сделанных им во время пребывания в Японии и изложенных в очерках путешествия «Фрегат “Паллада”», рассматривается японское коммуникативное поведение. Данный материал позволяет сделать вывод об особенностях коммуникации японцев и различиях между японским и русским коммуникативным поведением.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, Япония, японец, ритуал общения, церемония, русский, «Фрегат “Паллада”».

Abstract: in article the Japanese communicative behavior, on the basis of I. A. Goncharov's observations, the travel made him during stay in Japan and stated in sketches “the Frigate “Pallada”” is considered. This material allows to draw a conclusion on features of communication of Japanese and distinctions between the Japanese and Russian communicative behavior.

Keywords: communicative behavior, Japan, Japanese, communication ritual, ceremony, Russian, “Frigate “Pallada””.

Нормы и традиции общения какого-либо народа, описанные в совокупности, представляют собой описание коммуникативного поведения этого народа. Термин «коммуникативное поведение» впервые был использован в 1989 г. в работе И. А. Стернина «О понятии коммуникативного поведения». Под коммуникативным поведением в самом общем виде И. А. Стернин понимает «совокупность норм и традиций общения определенной группы людей» [1, 4–5]. В силу различия культур и национальных традиций в общении разных народов зачастую возникают недопонимания, приводящие к нарушению коммуникации и даже межэтническим конфликтам.

Большой интерес представляет японское коммуникативное поведение. Ритуалы общения есть в культурах всех народов мира. Порой они схожи, порой разительно отличаются друг от друга. Соблюдение ритуалов общения, их адекватное восприятие и правильное толкование закодированной в них информации свойственно носителям единой лингвокультурной общности и, как правило, чуждо носителям иной культуры и языка.

В коммуникационном поведении японцев ритуал играет особую роль. Вежливость речи у японцев ценится выше ее доходчивости, нюансы этикета важнее тонкостей синтаксиса и грамматики. В общении японцы избегают слов «нет», «не могу», «не знаю», «никогда», будто это какие-то инвективы, которые нельзя высказывать прямо. Слова в обще-

нии японцев нередко заменены символами и ритуалами, они подсказывают участникам процесса то, что в японской культуре нельзя сказать напрямую собеседнику.

Излишняя склонность японцев к ритуалам и церемониям еще в середине XIX века удивляла и даже возмущала первых западных наблюдателей. Кто-то видел в этом признак «лживости», кто-то – отсталости. И. А. Гончаров, один из первых русских путешественников, посетивших Японию того времени, в очерках путешествия «Фрегат “Паллада”», рассказывая о своем пребывании в Японии, обращает внимание на то, что отличает коммуникативное поведение русских от японцев. «Ох, уж эти мне эмблемы да символы!» – негодует автор «Путешествия», повествуя об обеде у японских вельмож.

К людям, уделяющим большое внимание внешним деталям и этикету, русские относятся с опаской и иронизируют на этот счет. И. А. Гончаров иронически изображает церемониальность общения японцев: «Вот появилось ровно шесть слуг, по числу гостей, каждый с подносом, на котором лежало что-то завернутое в бумаге, рыба, как мне казалось. Они поставили подносы, вышли на минуту, потом вошли и унесли их: перед нами остались пустые, ничем не накрытые столы, сделанные нарочно для нас, из кедрового дерева. «Ну, обычай не совсем патриархальный, – думал я, – что бы это значило?» – «Это наш обычай, – сказал старик, – подавать блюдо с «этим» на стол и сейчас уносить: это у нас символ приязни». А это – была не рыба, как мне показалось

сначала, а какая-то тесьма, видом похожая на вязигу. Я принял было ее за морскую траву, но она оказалась перепонкой какой-то улитки, прилипающей, посредством ее, к скалам. Так вот видите: это у них и есть *символ симпатии, привязанности или, буквально, «прилипчивости»*.

«Церемониймистер, с поклоном, подошел и открыл шелковый ящик. «Ужели такое большое письмо?» – думал я, глядя с любопытством на ящик. «Извольте же принимать», – сказал переводчик. Г. взял ящик и на силу держал в руках. Он пошел в «отдыхальню», и мы за ним, а за ними понесли сундук. «Зачем же большой сундук?» – подумал я еще, глядя в недоумении на сундук. Открыли его: там стоял другой сундук, поменьше, потом третий, четвертый, все меньше и меньше. И вот в этот-то четвертый сундук и вставлялся шелковый, по счету пятый ящик. Но отчего же он тяжелый? Подняли крышку и увидели в нем еще шестой и последний ящик, из белого лакированного дерева, тонкой отделки, с окованными серебром углами. А уж в этом ящике и лежала грамота, в ответ на письмо из России, писанная на золоченой, толстой, как пергамент, бумаге и завернутая в несколько шелковых чехлов. Какие *затейники!*»

Нагнетание символики и атрибутики «светскости» в общении не дает возможности перейти к «разговору по душам», сохраняет дистанцию, и в итоге воспринимается русским человеком как фарс. Недаром автор «Очерков» называет японцев *фарсерами*: «<...> на другой день на камне воткнули дерево, чтоб сделать камень похожим на берег, на который мы обещали не съезжать. Фарсеры!»

Излишнее внимание к символике подчеркнуто и в следующем отрывке: «Японцам кажется неуважительным поставить подарок на пол. На каждом ящике положены были свертки бумаги, опять с символом *«прилипчивости»*. Автор явно подчеркивает отрицание непонятных для русских гостей символов, и ненужные с его точки зрения церемонии воспринимаются негативно.

Еще одна особенность, которая в корне отличает коммуникативное поведение японцев от русского, – отсутствие краткости и ясности изложения мыслей. Там, где можно обойтись одним словом, японцы обрушивают на собеседника целые каскады не несущих смысловой нагрузки фраз. Смысл их преднамеренно затуманивается оговорками, в которых заложены неопределенности, сомнения в правоте сказанного, готовность согласиться с возможными возражениями, что вызывает у русских недоумение и иронию: «Бог знает, когда бы кончился этот разговор, если б баниосам не подали наливки и не повторили вопрос: тут ли полномочные? Они объявили, что полномочных нет и что они будут не чрез три дня, как ошибкой сказали нам утром, а чрез пять, и притом эти пять дней надо считать с 8 или 9-го декабря».

Компромисс русским сознанием рассматривается как беспринципность, неумение проявить волю, настоять на своем. Японцы же в процессе общения стараются обходить «острые камни» и при решении каких-либо вопросов стараются не задеть самолюбия собеседника, тем самым переводя процесс общения в затяжной и практически безвременный, так как не могут задеть чувств собеседника прямым отказом. Для японцев характерна коллективная система принятия решений, что нередко ведет к затягиванию процесса переговоров. К примеру, И. А. Гончаров описывает процесс переговоров, целью которых являлось налаживание дружеских и торговых связей с японцами, которые в конечном счете не привели к ожидаемым результатам. Он всячески затягивался со стороны японцев: сначала ожиданием ответа из Эдо, затем всевозможными уловками нагасакских губернаторов: «Мы целый месяц здесь: знаем подробно японских свиней, оленей, даже раков, не говоря уж о самих японцах, а о Японии еще ничего сказать не могли», – опять же иронизирует Гончаров. «В этом японском, по преимуществу тридцатом, государстве можно еще оправдываться и тем, что «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Чуть ли эта поговорка не здесь родилась и перешла по соседству с Востоком и к нам, как и многое другое... Но мы выросли, и поговорка осталась у нас в сказках. В Японии, напротив, еще до сих пор скоро дела не делают и не любят даже тех, кто имеет эту слабость».

Для японцев сидеть на полу и вести диалог – это норма, а в сознании русских – это неприемлемо: «Обычай сидеть на пятках происходит у них будто бы, как я читал где-то, оттого, что восточные народы считают неприличным показывать ноги, особенно перед высшими лицами».

«Ежедневно ездили к нам гокейнсы договариваться о церемониале нашего посещения. Вы там в Европе хлопчете в эту минуту о том, быть или не быть, а мы целые дни бились над вопросами: сидеть или не сидеть, стоять или не стоять, потом как и на чем сидеть и т. п. Японцы предложили сидеть по-своему, на полу, на пятках. Станьте на колени и потом сядьте на пятки – вот это и значит сидеть по-японски. Попробуйте, увидите, как ловко: пять минут не просидите, а японцы сидят по нескольку часов. Мы объявили, что не умеем так сидеть; а вот не хочет ли губернатор сидеть по-нашему, на креслах? Но японцы тоже не умеют сидеть по-нашему, а кажется чего проще? С непривычки у них затекают ноги. Припомните, как угощали друг друга Журавль и Лисица – это буквально одно и то же».

То, что в культуре русского человека вызывает недоумение и считается нарушением элементарных этикетных норм, у японцев считается нормой: «Старик вынул пачку бумаги, тщательно отодрал один листок, высморкался, спрятал бумажку в рукав, по-

том кротко возразил, что, по японским обычаям, при первом знакомстве разговоры о делах обыкновенно откладываются, что этого требуют приличия и законы гостеприимства <...> Вообще и важные сновники, и неважные после обеда выражались больше междометиями, которых невозможно передать словами. Грудные звуки раздавались из всех углов. О деле неприлично говорить, а это ничего!»

Эти наблюдения за различиями коммуникативного поведения японцев и русских были сделаны И. А. Гончаровым более чем сто пятьдесят лет назад, но, несмотря на это, большинство из них можно считать актуальными и сегодня. «Фрегат “Паллада”» И. А. Гончарова можно считать произведением, которое может быть рассмотрено в качестве источника информации как для исследователей, занима-

ющихся изучением коммуникативного поведения японцев, проблемами межкультурной коммуникации, так и для дипломатов и других носителей русского языка, вступающих в общение с японцами в рамках своей профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стернин И. А. Модели описания коммуникативного поведения / И. А. Стернин. – Воронеж : Герент, 2000. – 27 с. Изд. 2. испр. 2015. – 52 с.
2. Прохоров Ю. Е. Русские коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. – М. : Флинта; Наука, 2006. – 238 с.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. – : Т. 1 – 4. – М.: Рус. яз., 1978 – 1980. Т. 4. Р – V. 1980. 683 с.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова Тян-Шанского

*Казанцева В. А., директор «Русского образовательного центра при Генконсульстве РФ в Осаке» (Япония), соискатель кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВО
E-mail: veronikakazantseva@yandex.ru*

Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky

*Kazantseva V. A., Russian education center at the General Consulate of the Russian Federation in Osaka (Japan)
E-mail: veronikakazantseva@yandex.ru*